

АЗИАТСКИЙ ФРОНТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

«Холодная война» – явление в международных отношениях второй половины XX в., интерес к которому не утихает, несмотря на то, что после ее окончания прошло уже немало лет. Однако комплексный подход к анализу этого феномена невозможен без изучения политического поведения всех сил, так или иначе вовлеченных в глобальное противостояние. Среди них – и российские эмигранты, оказавшиеся в эти годы (нередко – лишь физически, но не духовно) «по ту сторону баррикад». Они внимательно вглядывались в развитие событий в мире, понимая, что от этого зависит их дальнейшая судьба. Привлекал их внимание и азиатский континент, где ситуация особенно обострилась на рубеже 1940-х – 1950-х гг.

Среди тех эмигрантов, которые сочувствовали позиции СССР в эпоху «холодной войны», на наш взгляд, выделялись заявления тех деятелей российской диаспоры во Франции, которые группировались вокруг парижской газеты «Русские новости». Многие из них в 1920 – 1930-е гг. были ближайшими соратниками П.Н.Милюкова, играли видную роль в Парижской группе кадетской партии и «Последних новостей». Продолжая линию своего покойного лидера, они стремились обосновать право Советского Союза на расширение своего влияния в мире. Особенностью этой группы публицистов было откровенное изложение своих взглядов, которые в целом находились в русле традиционных концепций геополитики начала XX в. Так, прямо заявлялось: «Совершенно верно, что советская политика противодействует попыткам политического или политико-экономического внедрения какой бы то ни было иной великой державы в Польшу, в Дунайский бассейн, на Балканы или в некоторые районы Ближнего и Дальнего Востока. Но это – законное право советской политики и даже ее долг (никто не оспаривает права Соединенных Штатов организовывать безопасность Западного полушария)». При этом подчеркивался ограниченный характер т.н. «советской системы», что и подтверждало ее служение целям безопасности, а не мирового господства¹. Все эти заявления были нацелены на то, чтобы опровергнуть обвинения в адрес СССР в проведении линии на продолжение стратегии мировой революции в новых условиях. Вместе с тем, развитие внешней политики СССР в конце 1940 – начале 1960-х гг., создание системы социализма (в том числе поддержка социалистического форпоста на Кубе) заставляют более критично подойти к оценкам публицистов «Русских новостей».

Как известно, одним из важнейших регионов, где сталкивались в первые послевоенные годы интересы великих держав, был Ближний и Средний Восток. Желание СССР укрепить свое влияние в Иране было настолько очевидным, что не могло пройти незамеченным и просоветски настроенными эмигрантами. Заявляя, что «нет оснований предполагать, что Москва стремится к расширению советской территории за счет персидской», они на первый план выдвигали идеологическую составляющую: сочувствие «советской общественности» тюркским и курдским

¹ См.: Русские новости (Париж). 1947. 6 июня.

сторонникам культурной и территориальной автономии в Иране. Учитывая реальную роль общественности в принятии важнейших внешнеполитических решений в СССР, вряд ли можно признать заявления такого рода вполне искренними. Вместе с тем, симптоматично выглядит высказывание В.П.Никитина: «Нет ни азербайджанской, ни тихоокеанской, ни восточно-европейской проблем. Есть один голый новый факт, с которым кое-кому трудно примириться: Россия вышла на мировую арену со своей новой правдой»². На наш взгляд, такие высказывания фактически обосновывали возможность советской экспансии в любой точке земного шара.

Политика США, по мнению В.П.Никитина, угрожала, прежде всего, национальной независимости стран Ближнего Востока, а отнюдь не экспансии СССР в этом регионе. Уже в апреле 1947 г. эмигрантский публицист констатировал, что Иран «наводнен всякого рода американским миссиями и советниками», которые были в армии, жандармерии, министерстве народного здравоохранения и т.д. Но Иран – «это не Никарагуа или Панама. Это – страна древней утонченной культуры, на сознании которой зиждется ее несомненный патриотизм». Именно так В.П.Никитин обосновывал свой тезис о неминуемом провале «американизации» Ирана³. Вместе с тем, в публикациях «Русских новостей» во второй половине 1940-х гг. неоднократно проводилась мысль о том, что именно США занимают место Великобритании как ведущей державы в районе Средиземного моря. Об этом, в частности, свидетельствовало намерение Египта закупать американское оружие.

Помимо угрозы американского контроля над районом Ближнего и Среднего Востока, просоветски настроенная эмиграция стремилась доказать экспансионистский характер внешней политики Великобритании в этом регионе. Осознавая, что именно Великобритания – исторически главный конкурент Советского Союза в борьбе за контроль над этим районом земного шара, эмигрантские публицисты данного направления обвиняли ее в поддержке «самых реакционных сил на Ближнем Востоке» – Панарабской Лиги⁴. Отметим, что политика Великобритании в этом регионе оценивалась как одно из проявлений ее общей линии на переустройство Империи. Активизация внешнеполитической деятельности Великобритании на Ближнем Востоке во многом связывалась с вынужденным предоставлением самостоятельности Индии и необходимостью «очистить» Египет⁵. Перестройка управления Бирмой, Малайей и рядом других территорий была, по мнению просоветски настроенной эмиграции, нацелена на то, чтобы сделать Индийский океан «английским озером». Более прочными считались позиции Великобритании на западном (африканском) побережье Индийского океана, однако здесь, полагали сочувствующие СССР эмигранты, британцы опасались советского проникновения в район Персидского залива. Именно этим объяснялись планы перенесения штаб-квартиры британского командования из района Суэца в Найроби и усиление британского контроля над бывшим Итальянским Сомали⁶. Аналогичные соображения вызвали к жизни, по мнению публицистов «Русских новостей», и план создания

² Никитин В.П. Проблема Азербайджана // Русские новости. 1946. 4 января.

³ См.: Никитин В.П. Американцы в Иране // Русские новости. 1947. 25 апреля.

⁴ См.: Гудзац Ю. Что происходит на Ближнем Востоке // Советский патриот. 1946. 8 февраля.

⁵ См.: Русские новости. 1947. 3 января.

⁶ См.: Русские новости. 1947. 4 апреля.

трансфриканского канала, соединявшего Танганьнику с устьем Нигера, а также прокладку стратегической дороги между Восточной Африкой и Нигерией.

Однако наиболее активной в годы «холодной войны» была антикоммунистическая часть российской диаспоры.

Существенным фактором, придавшим глобальному противостоянию еще большую напряженность, стало начало формирования мировой системы социализма. Приход к власти в Китае КПК, раскол страны на континентальный Китай и Тайвань не могли пройти мимо внимания эмиграции. На значение Китая в мировом противостоянии двух систем неоднократно обращала внимание антикоммунистическая эмигрантская пресса. Характерно, что еще летом 1946 г. она выступала против ухода американских войск из этого региона, поскольку предупреждала, что это будет означать победу коммунистов в Гражданской войне⁷. И в дальнейшем, по мнению деятелей антикоммунистической части диаспоры, Запад в очередной раз продемонстрировал излишнюю склонность к компромиссу с коммунистическим лагерем. Эмигранты полагали, что единственным правильным шагом было бы непризнание правительства Мао Цзэдуна, тем более, что существовало и обоснование этого шага – демократическое правительство Чан Кайши контролировало часть Китая. Именно островной Китай должен был, по мнению этой части российской диаспоры, получить и место в Совете безопасности ООН⁸.

Китайская революция, бесспорно, резко усилила позиции коммунистического лагеря и обострила противоборство между ним и странами западной демократии в разных точках земного шара. Эти события были восприняты некоторыми политиками из российской диаспоры как очередное свидетельство приближения Третьей мировой войны. Большой интерес в связи с этим представляет хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации рукопись одного из лидеров власовской эмиграции майора Вооруженных сил Комитета освобождения народов России Ф.М. Легостаева, датированная январем 1950 г. В ней один из руководителей Союза воинов освободительного движения (СВОД) предсказывал, что именно Китай явится «той страшной силой, которая начнет войну». Он предполагал, что «весь бассейн Тихого океана (прежде всего Индия и Индокитай), может быть, через несколько месяцев будет охвачен пламенем страшной войны»⁹.

Анализируя позиции сторон в этой будущей войне, Ф.М. Легостаев, как и многие деятели антикоммунистической диаспоры, критиковал пассивность в действиях Запада, который, невзирая на коммунистическую экспансию, все еще «топтался в обороне». Однако особый интерес представляет справедливое замечание Ф.М. Легостаева о том, что страны западной демократии совершали ошибку, делая ставку лишь на атомную бомбу и «явно недооценивая значение психологических и идеологических методов войны». В то же время Советский Союз, полагал майор власовской армии, использовал широкий арсенал средств психологической войны. Среди них выделялась «дезориентация», т.е. ложные политические ходы, пропагандистская шумиха вокруг второстепенного события для отвлечения вни-

⁷ См.: Русская жизнь (Сан-Франциско). 1946. 13 августа.

⁸ См.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1950. 12 января, 18 января и др.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 4. Д. 9. Л. 2.

мания от тех процессов, которым реально придавалось главное значение. Интересно, что примером этого, по мнению Ф.М. Легостаева, могла служить блокада Берлина в 1948 – 1949 гг., на фоне которой «незаметно» происходило завоевание Китая КПК. Другими средствами психологической войны, успешно применяемыми СССР, назывались «демонстрация» (психическое воздействие на противника, такое, как испытание атомной бомбы), «деморализация» (провокации, подкуп и т.д.), «массовый психоз» (шпиономания), «паника» (диверсии и т.д.).

В качестве противовеса всем этим действиям коммунистического лагеря Ф.М. Легостаев предлагал западным демократиям усилить пропагандистское обеспечение холодной войны, в частности, более активно издавать работы, «доказывающие порочность марксизма», информировать население о «действительной сущности большевизма» и даже «использовать печать и кино для привития народу мессианско-освободительных стремлений». Кроме этого, необходимыми мерами считались прекращение торговли с СССР и сознательная дезинформация противника (сообщение об изобретениях «нового секретного оружия» и т.п.)¹⁰. На наш взгляд, предлагая Западу активизировать психологическую и идеологическую войну против коммунистического лагеря, Ф.М. Легостаев руководствовался и чисто прагматическими соображениями. Политическая элита диаспоры надеялась, что США и их союзники будут активно использовать на этом направлении знания и опыт российских эмигрантов. Выделение дополнительных средств на финансирование этих акций улучшало положение лидеров антикоммунистической российской эмиграции. Кроме того, отметим, что российская антикоммунистическая эмиграция не забывала и о чисто военных факторах, которые могли помочь Западу в будущей войне против СССР. Характерно, что в феврале 1950 г. крупнейшая газета российской диаспоры в США «Новое русское слово» приветствовала предписание Г. Трумэна начать создание в США водородной бомбы¹¹.

Одним из наиболее острых моментов апогея холодной войны, безусловно, являлась война в Корее 1950 – 1953 гг. Вновь многим стало казаться, что Третья мировая война «приближается семимильными шагами». Неслучайно в 1950 г. целый ряд русскоязычных СМИ на Западе опубликовали статьи под заголовком «Если завтра война...». Именно война в Корее стала толчком и для создания Комитета объединенных власовцев (КОВ), инициаторы которого ставили задачу «снова поднять приспущенное знамя Освободительного движения в условиях, когда в Корее мир свободы восстал против царства тирании»¹².

Подобные настроения свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что необходимо более внимательно отнестись к известному тезису советских историков, заявлявших, что «правлящие круги США» исходили из возможности перерастания войны в Корее в новую мировую войну¹³. Несомненно, такой была позиция лишь части политиков Запада, наиболее агрессивно настроенных по отношению к СССР. Однако, администрация США, испытывая мощ-

¹⁰ Там же, л. 17.

¹¹ См.: Новое русское слово. 1950. 1 февраля.

¹² Власовец. Мюнхен, 1950. № 1. С. 3.

¹³ См.: Международные отношения после Второй мировой войны /Под ред. Н.Н. Иноземцева. М., 1963. Т. 2. С. 227.

ное давление со стороны этих сил, вынуждена была считаться и с их позицией, хотя далеко не всегда следовала подобным рекомендациям.

Для значительной части российских эмигрантов-антикоммунистов в период Корейской войны, вновь, как и в годы Берлинского кризиса, были характерны пораженческие настроения. В случае начала нового глобального конфликта, полагали эти эмигранты, Зарубежная Россия должна, так или иначе, встать на сторону Запада. Опровергая возможные обвинения в том, что такая позиция расходится с патриотическими установками, старый русский либерал, бывший член ЦК кадетской партии князь В.А. Оболенский заявлял: «Если теперь мы видим, что Сталин начинает Третью мировую бойню не в интересах нашей родины, а для вящего порабощения народов России и всего мира, мы не только считаем себя вправе, но чувствуем себя обязанными быть пораженцами»¹⁴.

Даже «крайняя левая» российской политической эмиграции – «оппозиция» в Заграничной делегации РСДРП, хотя и с некоторыми оговорками, но принимала пораженческую платформу в новой войне. Отвергая для эмиграции такую политику, которая «могла бы быть понята, как ориентация на войну», Г.Я. Аронсон, Б.Л. Двинов и Б.М. Сапир в своих тезисах «Задачи и тактика РСДРП в эмиграции» подчеркивали: «Русская демократическая эмиграция, в случае возникновения новой войны, развязанной Сталиным, занимая по отношению к советскому правительству пораженческие позиции, сможет полностью определить свою политическую линию только в зависимости от того, каковы будут цели обороняющих ее демократических держав в отношении России во время войны»¹⁵. Впрочем, эта оговорка – обусловленность поддержки Запада только в том случае, если он будет ставить в войне с СССР не захватнические, а идеологические (ликвидацию коммунистического режима) цели – была характерна практически для всех антикоммунистических эмигрантских группировок, определявших свою позицию в случае начала Третьей мировой войны.

Дискуссии в лагере антикоммунистической российской эмиграции вызвали вопрос о возможности участия эмигрантов в войне на стороне противников СССР. Учитывая опыт Второй мировой войны, формирования власовской армии, деятели военной эмиграции обсуждали – каким должен быть выбор российского зарубежного офицерства в грядущей Третьей мировой войне. По некоторым данным, отдельные эмигранты не ограничивались поддержкой действий США в прессе, а пытались принять и непосредственное участие в военных действиях в Корее. Советский историк А.А. Стрелко приводил факты вербовки белым генералом Эрном в Парагвае добровольцев для участия в Корейской войне в составе частей Дж. Макаптура¹⁶.

Вместе с тем, гораздо более осторожным подходом к этой проблеме отличалась одна из крупнейших военных организаций бывших власовцев – Союз воинов освободительного движения (СВОД). Реагируя на циркулировавшие в диаспоре слухи о возможности формирования русских частей в антикоммунистической армии, Военный Совет СВОД выпустил следующее постановление: «Если

¹⁴ Оболенский В.А. Тридцать восьмая параллель // Новое русское слово. 1951. 4 марта.

¹⁵ International institute of social history (IISH). Fund of B.L.Dvinov. Folder 7.

¹⁶ См.: Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980. С. 126.

эта интернациональная армия будет формироваться по принципу французских легионов и использоваться на подавление восстаний и путчей (хотя бы и коммунистических) где-то в Новой Зеландии или на о. Куба, то пропагандировать за вступление русских антибольшевиков в такую армию не стоит»¹⁷. Фактически в данном случае лидеры СВОД выражали отрицательное отношение к опыту функционирования в годы Второй мировой войны русских вооруженных формирований под немецким командованием. В качестве альтернативного варианта, который, как им казалось, только и мог привести к позитивным результатам, выдвигалось возрождение РОА, во главе которой должны были стоять русские офицеры. При этом важным фактором объявлялось наличие у армии четко выраженной и открыто объявленной программы – освобождение России от большевизма.

Впрочем, в личной переписке власовцев можно обнаружить свидетельства осознания ими самими того факта, что идея создания некоего аналога РОА в конкретных условиях начала войны в Корее вряд ли осуществима. Было очевидно, что США вряд ли пошли бы на этот шаг на тех условиях, о которых говорило руководство СВОД. Кроме того, как указывал бывший офицер ВС КОНР В. Бичковский (Селенс), использованию идеи РОА в новой войне мешает сделанная руководством СССР окончательная ставка на национал-патриотические (а не классовые) ценности, а также удаленность театра военных действий от российской территории¹⁸. Естественно, пропагандистский эффект антикоммунистическая Русская армия могла иметь только среди населения России.

Оптимизм многих антикоммунистов относительно возможных итогов нового глобального противостояния был вызван их мнением, что Советский Союз не готов к большой войне и был бы рад ее предотвратить. Этот вывод обосновывался, в том числе, с помощью анализа внутривнутриполитической ситуации в СССР. Любопытно, что отдельные эмигранты обращали внимание на необходимость для коммунистического руководства в первую очередь провести радикальные преобразования в аграрной сфере, в частности, ликвидировать традиционный деревенский уклад жизни (проект агрогородов). На наш взгляд, в антикоммунистической прессе не вполне обоснованно уделялось внимание этим мероприятиям. Однако в главном с большинством эмигрантских публицистов можно согласиться: Советский Союз, только что вышедший из Второй мировой войны, вряд ли был способен перенести новое глобальное противостояние. Поэтому, по нашему мнению, лишь политическими соображениями можно объяснить высказывания тех политиков из антикоммунистического лагеря, которые заявляли о стремлении СССР к Третьей мировой войне. Речь идет прежде всего о таких экстремистах, как, лидер Российского общенационального народно-державного движения (РОНДД) Е. Державин (Арицок), называвший коммунистов «тайными агентами Сатаны», которые готовились применить атомную бомбу, в результате чего население Земли должно было превратиться в «потерявших облик человеческий уродов»¹⁹.

В открытой антикоммунистической печати предпринимались и попытки представить США как защитников свободы и демократии, не имевших никаких

¹⁷ Вестник связи власовцев. Каракас, 1954. № 4. С. 14-15.

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 32. Л. 8.

¹⁹ Державин Е. Перед лицом сошедшего на Землю Бога // Набат (Мюнхен). 1953. № 40. С. 1.

экспансионистских замыслов. Так, например, российские монархисты, которые группировались вокруг И.Л. Солоневича, заявляли, что американцы проводили мирную политику, «ничего и никого не собираются завоевывать и никого не собираются грабить. Дают независимость Филиппинам, ведут в общем разумную политику в оккупированной Японии и вели бы очень разумную политику в оккупированной Германии, если бы им не мешали Англия, Франция и Советы»²⁰. Аналогичные мысли высказывал и известный «перебежчик» Г.П. Климов, которого в целом трудно упрекнуть в симпатиях к США и политике Запада. Заявляя, что Запад после окончания Второй мировой войны стремился к миру, он подчеркивал, что в случае начала нового глобального конфликта вся вина ляжет на Советский Союз²¹.

Откровенно проамериканские высказывания были характерны в годы Корейской войны и для лидеров меньшевистской социал-демократии. Они стремились доказать, что СССР ведет подготовку к глобальной войне, но не будет возражать, если удастся добиться своих целей пропагандистскими методами, с помощью «запугивания» Запада. Б.Л. Двинов был солидарен с группой И.Л. Солоневича в том, что США не имели никаких захватнических целей во внешней политике, а лишь защищали свою свободу и «свободу народов СССР от жесточайшей тирании сталинизма»²². Впрочем, в личной переписке эмигранты обычно были более откровенны: многие из них понимали, что российская диаспора для Вашингтона – лишь инструмент для обеспечения своих национальных интересов. Последние всегда были приоритетны для США, но на определенных этапах они могли совпадать с интересами российской антикоммунистической эмиграции.

Симпатии антикоммунистической эмиграции в разразившейся войне были на стороне США. Наиболее лестных эпитетов на страницах эмигрантской прессы удостоился генерал Дж. Макартур. Характерно, что генерал Белой армии В. Замбржитский (в 1919 г. – генерал-майор, генерал для поручений при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине), подробно разобрав с точки зрения военного тактического искусства действия Дж. Макартира в Сеульской операции, заявил, что тот «спас честь великого американского народа в борьбе с мировым злом»²³. Неслучайно эту положительную оценку генералу Дж. Макартиру дал представитель высшего офицерского состава Белой армии. Известны и другие положительные характеристики американского генерала, исходившие от ветеранов Белого движения. Они подчеркивали наличие у офицерского корпуса различных государств некоторых общих черт, которые позволяют им находить точки соприкосновения интересов. Указывая на закономерность того, что генерал Макартур стал «символом национальной идеи», один из лидеров объединения русских солдат и офицеров в эмиграции – Суворовского союза – Месснер отмечал: «Офицеры – националисты по призванию»²⁴.

Подобные В. Замбржитскому и Месснеру эмигранты рассматривали Дж. Макартира прежде всего как бескомпромиссного антикоммуниста, сторонника

²⁰ Наша страна. Буэнос-Айрес, 1950. 15 апреля.

²¹ См.: *Климов Г.П.* Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 617.

²² *Двинов Б.* Уроки Кореи // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1950. № 8-9. С. 153.

²³ *Замбржитский В.* Контрудар Макартира в Корее // Часовой (Брюссель). 1950. № 303. С. 6.

²⁴ *Месснер.* Националисты по призванию // Суворовец. (Буэнос-Айрес). 1951. 26 мая.

решительных действий в Корее. Снятие его с поста руководителя военными операциями в Корее в 1951 г. воспринималось антикоммунистической эмиграцией как очередное свидетельство нерешительности политической элиты США, ее склонности к компромиссам с коммунистическим лагерем. Именно эти особенности интеллектуальной и политической элиты либерально-демократической цивилизации Запада вызывали у многих деятелей Российского зарубежья наибольшее отторжение. Дж. Макартур же воспринимался как человек совершенно иного плана, обладавший «простой, естественной, человеческой и единственно правильной философией». Параллельно публицисты этого направления стремились доказать, что основная масса населения США поддерживала решительную линию Дж. Макартура: «Национальный герой Америки, по все видимости, не останется в одиночестве, но будет поддержан широкими слоями американского народа»²⁵.

Впрочем, в эмигрантской прессе, симпатизировавшей Дж. Макартуру, высказывалось и мнение о том, что осторожная политика администрации Г. Трумэна также вполне понятна и обоснованна. Некоторые публицисты, приветствуя решимость Дж. Макартура покончить с влиянием коммунизма в Азии, одновременно указывали на то, что по-своему прав и президент США, стремившийся предотвратить Третью мировую войну. Осторожная линия американской администрации была вызвана, в частности, наличием не слишком надежных союзников – прежде всего Франции и лейбористской Великобритании²⁶. В то же время Советский Союз держал своих сателлитов в Центральной и Восточной Европе под полным контролем.

Приветствуя решимость Дж. Макартура вытеснить коммунистические силы с Корейского полуострова военными методами, эмиграция вновь вспомнила и о важности пропагандистского обеспечения антикоммунистической борьбы. Именно поэтому одобрение вызывали высказывания тех американских политиков, которые, будучи такими же, как Дж. Макартур, бескомпромиссными антикоммунистами, обращали внимание на эту составляющую государственной политики. Речь шла, в частности, о сенаторах Ноуланде и Уили²⁷. По мнению бывших офицеров РОА, инициатива последнего, предлагавшего создать эффективный пропагандистский центр для того, чтобы «добиться до умов русских людей», могла не только способствовать трансформации сознания населения СССР, но и противодействовать советской международной пропаганде, умело использующей лозунг борьбы за мир.

После отставки Дж. Макартура политика администрации США в Корее неоднократно вызывала неодобрение в российской эмигрантской прессе. Эмигрантские публицисты полагали, что политики и дипломаты препятствовали решительной победе над коммунистическими войсками, «связывая руки» военному командованию. Задолго до окончания боевых действий ими был сделан вывод о неэффективности стратегии изматывания, «утомления противника потерями».

Позиция этой части российской диаспоры не изменилась и по прошествии времени, когда стали очевидны последствия мирного урегулирования в Корее по

²⁵ За правду (Буэнос-Айрес), 1951. 21 апреля.

²⁶ См.: Наш путь (Мюнхен). 1951. № 4. С. 7.

²⁷ См.: Голос народа (Мюнхен). 1951. 21 января.

варианту 1953 г. Ретроспективно оценивая ситуацию, некоторые эмигранты склонялись к тому, что применение оружия массового уничтожения было для США и западных демократий единственно правильным выходом из той непростой ситуации. Известный деятель владивостокской эмиграции, протоиерей Д. Константинов писал в 1985 г. Ю.К. Мейеру: «Генерал Макартур был прав. США, обладая абсолютным военным превосходством, применив хотя бы в ограниченной дозе атомное оружие, сокрушили бы и корейцев, и китайских «добровольцев»... Не было бы разделения и Панмунчжонского позора, и главное, после такого решения проблемы не было бы войны во Вьетнаме... Корея явилась прелюдией Вьетнама... Вы скажете – жертвы. Но их было бы не больше, а меньше, чем во Вьетнамской войне»²⁸.

Российские эмигранты-антикоммунисты указывали и на чисто военное значение противоборства в Корее, где отрабатывались приемы и методы ведения боевых действий. Отмечалось, в частности, что использование китайскими и северокорейскими войсками специфической тактики, сочетавшей традиционные войсковые операции с партизанскими действиями, очевидно, будет принято во внимание США в преддверии Третьей мировой войны: «когда начнутся действия большого стиля в Европе и Азии, красным придется столкнуться с противником, которого они сами обучили в Корее».

В среде российской антикоммунистической эмиграции господствовало мнение, что война в Корее – это один из фронтов Третьей мировой войны, а не локальное событие. По мнению эмигрантского публициста А. Загорского, одновременно с Сеульской операцией И.В. Сталин «силами индокитайских и китайских коммунистов» открыл второй фронт в Индокитае. Без внимания эмигрантских публицистов не остались и события на Малайском полуострове, где начиная с 1948 г. шла партизанская война «местных коммунистов при открытой поддержке Советов» против Великобритании. Указывалось на значение этого региона в мировой экономике, поскольку Малайя к началу 1950-х гг. давала 50 % мирового производства естественной резины и 40 % цинка. Более того: эмигрантские публицисты высказывали мнение, что параллельно готовится и третий фронт – на Среднем Востоке, где руководством СССР «приведены в действие персидские курды и азербайджанцы»²⁹.

Отметим, что в среде российской антикоммунистической эмиграции не просто констатировалось обострение ситуации в Азии, но и делались попытки проанализировать причины этого явления. Возникал вопрос: почему именно такие страны и регионы, как Китай, Корея, Юго-Восточная Азия стали очагами напряженности, почему именно здесь коммунистическому лагерю удалось повести за собой значительные массы населения? Многие мыслители из правого лагеря, на наш взгляд, были склонны упрощать ситуацию. Характерна, например, позиция И.А. Ильина, который писал, что населению Азии достаточно просто было внушить ненависть к Западу: «Они политически наивны и доверчивы... У них есть первобытная фантазия и темперамент». Именно жители азиатских стран, по мнению русского философа, представляли собой идеальных «коммунистических янычар»³⁰. Обращает на себя внимание стремление И.А. Ильина представить политических деятелей

²⁸ ГАРФ, ф. 10037, оп. 1, д. 92, л. 1.

²⁹ Загорский А. Второй фронт Третьей мировой войны // Часовой. 1950. № 303. С. 3.

³⁰ См.: Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 76.

Азии (в том числе и Ким Ир Сена) лишь орудием в руках Москвы. Между тем, не следует игнорировать и тот факт, что руководство коммунистических повстанцев в Корее представляло собой силу, использовавшую вооруженный конфликт для реализации своих собственных целей, на что указывают современные исследователи.

На постановке этой проблемы особенно настаивали левые и левоцентристские элементы, которые выступали против упрощенных трактовок ситуации, таких как «подкуп» Советским Союзом находящегося на низкой стадии развития населения стран «третьего мира». Реально, как полагали, например, лидеры владивостокского Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), существовали «уязвимые места современной демократии», которыми умело воспользовался СССР. Среди них важнейшую роль играли нерешенные социальные проблемы в Азии и Африке, что создавало почву для восприятия коммунистической пропаганды. Кроме этого, владивостокские публицисты отмечали наличие пренебрежительного отношения великих держав к судьбам стран «третьего мира», которое давало возможность коммунистическому лагерю противопоставлять последние демократиям Европы и США. По их мнению, Запад должен был научиться идти на компромиссы с лидерами Азии и Африки, чтобы эти континенты не оказались под контролем коммунистического лагеря, зачастую проводившего более гибкую политику. В частности, бывшие офицеры РОА полагали, что Франция должна пересмотреть свою политику в Индокитае, признав правительство императора Бао Дая³¹. Аналогичную позицию занимал меньшевик Л. Пийстрак, еще в феврале 1950 г. настойчиво рекомендовавший США оказать серьезную финансовую помощь странам Южной и Юго-Восточной Азии, поскольку в противном случае позиции Советского Союза здесь резко усиливались³².

Для противодействия Советскому Союзу в Азии необходимо было, считали эмигранты-антикоммунисты, обратить внимание и на развитие военного сотрудничества ведущих стран Запада с государствами региона. Поэтому, в частности, полное одобрение получило заключение США военного союза с Филиппинами. По мнению эмигрантских публицистов, этот акт должен был явиться основой для формирования оборонительного союза в Юго-Восточной Азии, в состав которого, помимо США и Филиппин, необходимо было включить Тайвань и Корею.

Внимание антикоммунистической части российской эмиграции к событиям в этом регионе отнюдь не случайно. Уже в начале 1950-х гг. было очевидно, что ситуация в этой части земного шара представляет собой питательную среду для пропаганды антизападных настроений, чем могло удачно воспользоваться коммунистическое руководство СССР.

³¹ См.: Волжанин В., Каров Д. Победит ли Хо Ши Мин? // Голос народа. 1950. 31 декабря.

³² См.: Пийстрак Л. Помощь отсталым странам // Новое русское слово. 1950. 11 февраля.